

Мельникова Е. С. (г. Мариуполь, Украина)

**Диссидентская коммуникация: особенности понятия и методов
исследования (на примере УССР 1960–1980-х гг.)**

В Советской Украине, как и во всем СССР, диссидентская коммуникация отображала связь между интеллигенцией и официальной властью в информационном поле. Художественные, публицистические произведения, протестные документы тиражировались вне авторского контроля в процессе распространения среди читательской аудитории.

Диссидентская коммуникация создавалась и распространялась в основном в Киеве и Львове, в областях в УССР с помощью спецкоров самиздатовских журналов, распространителей листовок, надписей на стенах государственных учреждений и т. п. Активисты диссидентского движения фигурировали в деле КГБ УССР «БЛОК»: И. Дзюба, В. Черновил, Е. Сверстюк, М. и Б. Горыни, Н. Светличная, И. Гель. С помощью самиздата диссидентская коммуникация распространялась в виде петиций, обращений, жалоб, протестов, просьб, сообщений, заявлений в официальные инстанции. Сообщения самиздата о репрессиях интеллигенции, политзаключенных передавались на радио «Свобода», «Голос Америки», «Радио Ватикана», «Би-би-си», отправлялись информационному агентству «Рейтер», в издания стран Западной Европы и США. Если на территории Советской Украины самиздат и изготовление диссидентских текстов не получили широкого распространения среди массовой аудитории с учетом доминирующей модели власти, цензуры и преследований, то трансляция альтернативной информации с помощью зарубежных СМИ охватывала достаточно большую аудиторию, которая стихийно формировалась в 1960–1980-е гг .

Еще одна особенность диссидентов Советской Украины, что они создавали свои ячейки (например, Клуб Творческой Молодежи, хор «Гомин», клуб «Пролисок»), где действовало информационное пространство. Акцент делался на проблемах, которые не освещались в официальной прессе, героях

самиздатовских произведений (репрессированных, политзаключенных, запрещенных авторов).

Защита украинского языка и культуры, борьба за гражданские свободы и права, национальная политика СССР были основными темами самиздата. Устные выступления, речи, доклады диссидентов появлялись в рукописях, печати, магнитофонных записях («магнитиздат»). Также стали популярны протестные обращения, ходатайства, заявления, открытые письма как «устный» самиздат. Публицистика существовала в виде правозащитных документов, самиздатовских книг И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?», В. Черновила «Горе от ума (портреты двадцати «преступников»)», «Правосудие или рецидивы террора?», Е. Сверстюка «По поводу процесса над Погружальским», полемических эссе В. Мороза «Среди снегов», «Хроника сопротивления», «Моисей и Датан».

Киевский диссидент В. Некрасов поддерживал связи с российскими диссидентами, в частности А. Сахаровым, В. Солженицыным. Передавал материалы за границу. Распространял российский литературный самиздат (произведения В. Солженицына, И. Бородского, Б. Постернака, О. Мандельштама).

Диссидентская коммуникация в тоталитарном обществе использует нетрадиционные, альтернативные каналы передачи и источники информации, не подлежит цензуре.

Понятие «диссидентская коммуникация» рассмотрим в пределах научной отрасли социальных коммуникаций. Вообще термин «коммуникация» насчитывает 126 определений. В. Иванов считает: «Некоторые ученые рассматривают коммуникацию только как канал обмена сообщения или средство общения. Другие необоснованно расширяют это понятие, включая в него все взаимосвязи в природе и обществе. Существует взгляд, что коммуникация – это одностороннее, однонаправленное общение» [1, с. 50]. Учитывая виды каналов коммуникации по В. Иванову, диссиденты

использовали не только самиздат (журналы, листовки, официальные заявления), но и средства массового воздействия (художественную литературу, творческие кружки, участвовали в организации митингов в 1980-х гг.).

Коммуникация функционирует, циркулирует в обществе и имеет определенные особенности. В частности, Т. Парсонс утверждает, что процессы коммуникации влияют на реципиентов сообщений, хотя оставляет открытым вопрос, насколько степень этого воздействия соответствует намерениям коммуникаторов. «То, что вкладывается в сообщение, может стимулировать в некотором смысле ответ как результат коммуникации. Однако неудачный ответ также возможен как альтернатива, особенно если сообщения относятся к массовым коммуникациям (например, напечатано в газете)» [2]. Его ученик Н. Луман более детально изучал коммуникацию как явление, в частности медиакоммуникации. Он считал, что коммуникация является основой общества «социальные системы образуются исключительно благодаря коммуникации» [3]. Рассматривая публичные коммуникации, Н. Луман определяет соотношение власти и коммуникации, причем власть оказывается одним из таких средств коммуникации, а коммуникация представляет действительность, где можно говорить о феномене власти. Н. Луман понимает власть как средство коммуникации и видит основным условием осуществления власти «постоянный переход от производства неопределенности к ее устранению» [3].

Г. Почепцов пишет, что социальные коммуникации «настроены на управление социальными системами, имея для этого как краткосрочный (тактический), так и длительный (стратегический) инструментарий. Образование, библиотеки или наука как стратегический инструментарий поддерживают доминирующие модели мира, принадлежащих данному виду общества»[4, с. 19 – 26].

«Под социальными коммуникациями необходимо понимать такую систему общественного взаимодействия, которая включает определенные пути, способы, средства, принципы установления и поддержания контактов на основе профессионально-технологической деятельности, направленной на разработку, производство, организацию, совершенствование, модернизацию отношений в обществе, которые состоят между различными социальными институтами, где, с одной стороны, в качестве инициаторов общения чаще всего выступают социально-коммуникационные институты, службы, а с другой – организованные сообщества (социум, социальные группы) как полноправные участники социального взаимодействия», – объясняет В. Ризун [5, с. 7]. Он понимает социальную коммуникацию как взаимодействие с социально определенными группами людей.

А. Холод определяет социальные коммуникации как «отрасль знаний, изучающая организационно упорядоченную систему документов, их массивы, продукты средств массовой коммуникации и информационные технологии, обеспечивающие реализацию информационных процессов и намерений при непосредственном участии членов коммуникативного процесса» [6, с. 35].

Л. Осадчая определяет так: «Социальная коммуникация является плоскостью выражения смыслов, которые корректируют жизнь социума на уровне всех ее проявлений» [7, с. 11]. По ее мнению, социальная коммуникация соотносится со смыслом как аксиологическим полем функционирования определенной социальной группы. Поэтому последствия столкновения и борьбы смыслов создают дискурсивные практики (на уровне столкновения не фактов, а ценностей), имеют мировоззренческие последствия. В этом ключе столкновения официальной и запрещенной (диссидентской) коммуникации приводит к изменению смыслов, часто – на противоположные, а также к рефреймингу.

Словарь иностранных слов дает определение понятия диссидента: (от лат. Dissidens) – лицо, активно не признающее официальную государственную доктрину или идеологию [8]. Чаще всего диссиденты появляются в гомогенном обществе типа советского, где существуют социальные конфликты. В 1970-е гг. словом «диссиденты» стали называть людей в СССР, которые открыто выражали несогласие с общепринятыми нормами, признанными в стране, и подтверждали свою позицию определенными действиями. Также диссидентами называли людей, которые брали участие в подпольной борьбе с правящим политическим режимом, в том числе информационно-коммуникативной. Причем одной из важных задач было распространение альтернативной информации, обмен информацией с Западом.

«Диссидентство представляло собой организационно неоформленное, политически неоднородное движение открытого, идейно-нравственного протеста советской интеллигенции против советской системы» [9]. Но, надо отметить, что это движение создавалось и действовало с помощью коммуникации.

Альтернативная пресса являлась формой выражения общественного инакомыслия: «Это печать распространения и пропаганды идей, несовпадающих с официальной, господствующей точкой зрения на события в различных сферах человеческой деятельности» [10].

Итак, диссидентская коммуникация – это социальная коммуникация, которая зарождается и функционирует в закрытом типе общества, в государствах с авторитарным/тоталитарным политическим режимом; имеет собственный инструментарий, способы, средства, принципы, методы распространения альтернативных или запрещенных официальной доминантной властью информации, знаний и идей.

Диссидентская коммуникация находится на стыке наук: истории, литературоведения, философии, политологии, социологии, психологии,

обществоведения, культурологии, журналистиковедения. Диссидентское инакомыслие и альтернативные медиа зарубежные ученые рассматривают в таких областях знаний: социология культуры, социальная антропология, социальная история, социальная философия.

Диссидентскую коммуникацию исследовали ученые из разных областей знаний. В частности, рассматривали А. Грамши, Г. Лукач, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Р. Барт, Г. Моска, М. Фуко, Р. Мертон, Э. Ноэль-Нойман, Х. Арендт, Ю. Хабермас, А. Гоулднер, С. Давыдов, И. Суслов, А. Оришич. Историки также уделяли внимание коммуникации в контексте диссидентского движения: Л. Алексеева, И. Майстренко, И. Клейнер, Б. Кравченко, И. Лысяк-Рудницкий, В. Баран, Г. Касьянов, А. Русначенко, А. Бажан, Б. Захаров, В. Деревинский, И. Романкина, Л. Королева, А. Федулов. Самиздатовская активность исследовали А. Блюм, А. Струкова, С. Ушакин, О. Обертас, А. Спанатий, влияние иностранных радиопередач и их «глушения» – С. Микконен, Ф. Кайнд-Ковач, Дж. Лобов, Дж. Сосин, Т. Горяева, И. Утехин, Е. Финкельштейн, особенности альтернативных медиа – Л. Тимофеева, А. Струкова, И. Брага.

Инакомыслие определяется как сопротивление подчиненных групп властному контролю. Диссидентская коммуникация представляет собой производство альтернативного знания в процессе общественного взаимодействия. Явление диссидентской коммуникации может быть совмещено с таким конструктом, как «схемы интерпретации реальности» (фреймы), которые определяют сопротивление протестной группы доминирующей системе в информационном пространстве. [11]

В тоталитарном государстве срабатывала цензура против альтернативных знаний. М. Либики разработал модель замка и модель рынка по отношению к внешним информационным шумов. Причем в первом случае государство защищается от информационных атак, сооружая «стену», во втором – информация «переваривается» обществом и не считается опасной.

В СССР использовался первый вариант, который прославился как «железный занавес». [12]

Методологической основой исследования является использование качественных методов журналистиковедения (исторический, библиографический, журналистский анализ текста, контент-анализ).

Исторический метод используется при обработке писем, документов, журналов самиздата, мемуаристики, исторической литературы.

Журналистский анализ текста применяется с целью выделения специфики тематики и жанров самиздатовских журналах 1960 – 1980-х гг.

Контент-анализ информационных сообщений КГБ УССР помогает определить методы информационной борьбы диссидентов с доминирующей информационной моделью в стране, методы воздействия на общественное мнение.

Диссидентскую коммуникацию необходимо учитывать при подготовке лекций к дисциплинам «История журналистики», «Теория и история социальных коммуникаций», «Журналистика».

Итак, к чертам диссидентской коммуникации можно отнести: анонимность автора или открытое авторство с другими подписантами; нечеткая периодичность выхода информационного продукта; не очерчены количественно-качественные показатели массовой аудитории; распространение или трансляция диссидентской коммуникации происходит стихийно. Диссидентская коммуникация является малоисследованным явлением и требует рассмотрения в рамках социальных коммуникаций.

Диссидентская коммуникация как альтернативный источник информации в УССР, несмотря на препятствия, «глушения», репрессии, столкновения с доминирующей моделью информации, влияла на советское информационное пространство. Нисколько распространение альтернативной информации с помощью самиздата, в частности журналов «Украинский вестник» и «Хроники текущих событий», сколько их текстов на

коротковолновых запрещенных радио было результативным. Специфика диссидентской коммуникации в УССР заключалась в охвате территории республики и оперативном информировании за рубежом.

Перспективой исследования являются: во-первых, диссидентская коммуникация, которая осуществлялась с помощью коротковолновых радиостанций и имела рассредоточенную массовую аудиторию, во-вторых, исследования сетей коммуникаторов в тоталитарном государстве, которые создали эффективные альтернативные потоки информации и знаний, оперативно собирали информацию, имели достоверные источники и обнародовали, обрабатывали и распространяли их, в-третьих, проведение аналогии и сравнений методов борьбы с альтернативными медиа в советские времена и настоящем.

Список использованной литературы

1. Иванов В. Ф. Аспекты массовой коммуникации. Киев, 2009. С. 50.
2. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/pon_ob.php (дата обращения: 15.10.2015)
3. Луман Н. Медиа коммуникации. М., 2005. С. 34
4. Почепцов Г.Г. Соціальні комунікації і нові комунікативні технології // Комунікація. Киев. 2010. № 1. С. 19–26.
5. Різун В.В. Начерки до методології досліджень соціальних комунікацій // Світ соціальних комунікацій. Киев. 2011. Т. 1. С. 7
6. Холод О.М. Соціальні комунікації : соціо- та психолінгвістичний аналіз: навч. посіб. Львів. 2011. С. 35.
7. Осадча Л.В. Соціальна комунікація як об'єкт філософського аналізу: автореф. дис. на здоб. наук. ступеня канд. філос. наук: [спец.] 09.00.03 "Соц. філософія та філософія історії" / Осадча Лариса Василівна ; КНУ ім. Т. Шевченка. – К., 2010. – 18 с.

8. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2000. 1308 с. URL:<http://enc-dic.com/fwords/Dissident-12502.html> (дата обращения: 15.10.2015)
9. Романкина И. А. Типология диссидентского движения в СССР :1950-е – 1980-е годы: .: дис. канд. ист. наук: 07.00.02 – отечественная история. – 2007. – Коломна. – 197 с.
10. Тимофеева Л. Н. Альтернативная печать как феномен качественных изменений в политическом процессе России (середина 80-х – начало 90-х годов): автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / Российская Академия Управления. – Москва. – 24 с.
11. Суслов И. Инакомыслие как социокультурный феномен: дис. ... к. соц. н.: 22.00.06 / Суслов Иван Владимирович. – Саратов, 2011. – 156 с.
12. Libicki M. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007. С. 216